
Благословенно МВИЗРУ ПВО

КНИГА ПЯТАЯ



Владимир Броудо

**Благословенно МВИЗРУ
ПВО. Книга пятая**

«Издательские решения»

Броудо В. Б.

Благословенно МВИЗРУ ПВО. Книга пятая / В. Б. Броудо —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961701-9

В 5-й Сборник «Благословенно МВИЗРУ ПВО» вошли произведения выпускников Минского высшего инженерного зенитного ракетного училища ПВО страны разных лет. Свои стихи и рассказы представляют Рахманов Александр Алексеевич, Рыжик Анатолий Игоревич, Трёкин Вячеслав Владимирович, Рахманов Олег Александрович, Броудо Владимир Борисович. Проза, стихи, фото, рисунки авторов имеют великолепную энергетику дружбы, любви, преданности Родине и своей Альма-матер.

ISBN 978-5-44-961701-9

© Броудо В. Б.
© Издательские решения

Содержание

Рахманов Александр Алексеевич	6
Преодоление	7
Введение	7
МВИРТУ – МВИЗРУ	9
Заключение	18
Дополнения	20
Стихи моего старшего сына Олега Рахманова	22
Моим детям	23
Сыну	24
Родителям	25
Отказ	26
Моя любовь	27
Дочери Софии	28
Рыжик Анатолий Игоревич	29
Жизнь в зелёном мундире	30
Вступление	31
Часть 1	32
Выбор	32
Минск	34
Рядовой Рыжик	37
Присяга	40
Служба	42
Учеба	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Благословенно МВИЗРУ ПВО

Книга пятая

Редактор Владимир Борисович Броудо

ISBN 978-5-4496-1701-9 (т. 5)

ISBN 978-5-4496-1702-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Рахманов Александр Алексеевич
(вып. МВИЗРУ ПВО 1971 г.)



Александр Алексеевич Рахманов

Преодоление Воспоминания военного ученого (Отрывки из повести)

Введение

В десятом и одиннадцатом классах я стал постоянным участником всех школьных олимпиад, побеждал на районных олимпиадах, а по химии попал даже на областную – в город Минск.

Школу закончил с серебряной медалью. Золотых медалей на всех отличников не хватило. На нашу школу выдали только одну. Ее получила дочь директора школы Ольга Романовская, а мне переоценили с пятерки на четверку в районном отделе народного образования сочинение по русскому языку. Придумали в нем стилистическую ошибку, так как грамматических ошибок в сочинении не оказалось, и поставили по русской литературе четверку. Конечно, было обидно, ведь мой рейтинг в школе был явно выше, чем у Ольги Романовской. На выпускном вечере при вручении мне серебряной медали гудели все выпускники. Чувство справедливости и порядочности у молодых людей было хорошо развито в советское время.



10-й класс Тимковичской средней школы. Александр Рахманов – 2-й ряд, второй справа

Уже в одиннадцатом классе передо мной остро встал вопрос: «Куда дальше идти учиться, кем быть?» Из нашей школы многие ребята поступали в лучшие московские и минские вузы – МФТИ, МИФИ, МГУ, МВТУ им. Баумана, Белорусский государственный университет, Минский радиотехнический институт, который в 60-е годы высоко котирировался в Белоруссии.

Я тоже присматривался к этим вузам. Однако в нашей семье уже учился в Минском технологическом институте старший брат Владимир, в Минском строительном техникуме – младший брат Леонид. В школе в шестом классе училась младшая сестра Алла. Было совершенно понятно, что финансовые возможности нашей семьи не могут обеспечить мое обучение в гражданском вузе. Мама мучилась, переживала, но говорить об этом со мной не решалась.

Первым заговорил отец. Говорил он тихо, спокойно, извиняющимся голосом. Отец очень гордился моими успехами в школе, подарил мне после окончания школы хорошие наручные часы марки «Полет», которые я проносил аж семнадцать лет. Ходили они прекрасно, поэтому, когда я купил себе новые, отцовские часы передарил старшему сыну Олегу.

Отец хорошо понимал, что природные способности и хорошая школьная подготовка давали мне возможность и законное право двигаться в Москву либо в Минск в лучшие вузы нашей страны. Ему было крайне неловко отказать мне, который учился лучше всех в семье,

выбирать свой путь во взрослую жизнь. Отец только посоветовал: «Присмотрись к военным вузам, ведь они тоже стали готовить высококвалифицированных инженеров. Ну, а дальше выбирай сам, куда тебе идти учиться». Родители ждали моего решения. Взвесив все «за» и «против», я поехал в райвоенкомат в город Копыль.

Для поступления в военное училище нужно было получить направление от военкомата. Военком встретил очень дружелюбно, внимательно выслушал меня, справился об успехах в школе. Я попросил направить меня в Минское высшее инженерное радиотехническое училище (МВИРТУ), о котором шла хорошая молва по всей Белоруссии. Военком сказал, что на весь район по разнарядке ему выделено только одно место в МВИРТУ. Посмотрел на меня и сказал: «Получишь в школе медаль, тогда и приходи за направлением».

МВИРТУ – МВИЗРУ

В училище экзамены принимались на месяц раньше, чем в гражданские вузы. Поэтому я заготовил два комплекта документов для поступления, один в МВИРТУ, а другой в Белорусский университет на радиофизику. В МВИРТУ на первый курс набирали только 130 человек, а поступать приехали более 600 человек, из которых около 90 человек были военнослужащие из войск и суворовцы. Они принимались вне конкурса, если сдавали все экзамены без двоек. Так как тщательный предварительный отбор поступающих проводился еще в военкоматах, а повторно и в кадровом отделе училища, то большая часть абитуриентов были медалистами и выпускниками с несколькими четверками в аттестате, победители всевозможных олимпиад.

Всех поступающих в училище разместили в полевых условиях. Жили мы в больших десятиместных палатках. Все удобства – умывальники и туалет – были на улице. В темное время только эти места и освещались, поэтому вечером там постоянно собиралась толпа абитуриентов, жаждущих подучить предмет накануне экзамена. Палаточный городок был разбит в 500 метрах от забора МВИРТУ. Кормили нас три раза в день в солдатской столовой, в которую водили строем, приучая сразу к воинским порядкам.

После первого экзамена, письменной математики, было отчислено почти тридцать процентов поступавших, среди них много медалистов и победителей различных олимпиад. Я сдал свой первый экзамен на пятерку, хотя и было трудновато. Просидел над задачами около трех с половиной часов из четырех, отведенных по регламенту на письменную математику. Но были ребята, которые решали задачи всего за час и на пятерки. Это были выпускники из московских и минских математических спецшкол, которые объективно были подготовлены намного лучше меня.

Математику устную и физику тоже сдал на пятерки, поэтому от экзамена по русскому языку меня и еще четверых таких же абитуриентов освободили. На экзамене по физике у меня возникли некоторые проблемы с ответами на вопросы на русском языке. Попросил преподавателя разрешить мне отвечать на белорусском языке. Он не возражал, моими ответами остался доволен и поставил отличную оценку.

Адаптироваться к военной жизни мне было довольно легко. Трудиться и учиться до третьего пота приучили деревня и сельская школа. Теперь нужно было научиться жить в новом для меня воинском коллективе, стать его лидером, получить признание и поддержку моих сокурсников и начальников.



Выступление слушателя А. А. Рахманова на митинге МВИРТУ. Слева начальник училища генерал-лейтенант Н. Г. Филатов

Первокурсники по-разному завоевывали свой авторитет в новом коллективе. Были отменные певцы и барды со своими дорожными гитарами, вокруг которых в каптерке нашей казармы в часы отдыха собиралось человек 30 любителей современной бардовской песни. Кто-то классно играл в шахматы, карты, шашки, домино. Выпускники спецшкол больше года щеголяли своим превосходством в знаниях математики, физики, иностранных языков. Особое уважение и авторитет имели спортсмены. Среди поступивших абитуриентов оказалось довольно много перворазрядников по различным видам спорта и даже один мастер спорта по борьбе Анатолий Жуковский. На этом разнообразном фоне мне выделиться было явно нечем.



3-й курс МВИРТУ. 1969

Два года пришлось догонять лидеров в учебе, усердно штудировать учебники, конспекты, тщательно готовиться к сдаче зачетов и экзаменов. Старался всегда понять ход мыслей преподавателей еще на занятиях, сразу уловить идею выводов и доказательств, запомнить это еще на лекции. На занятиях никогда не отвлекался на другие дела, часто задавал вопросы преподавателям, если не улавливал логику изложения материала. Все это позволяло меньше времени тратить на самоподготовку и легко укладываться в распорядок дня. Главное, чему я научился — хорошо записывать конспекты лекций и занятий наших преподавателей. Память у меня была отменная, на экзамене мог вспомнить целую страницу своего конспекта.

Наиболее трудным оказался первый курс. Ведь вузовская система образования принципиально отличается от школьной.

Она требует большой самостоятельной работы с учебниками, изучения обширной дополнительной литературы, умения быстро и качественно конспектировать лекции преподавателей, которые не всегда в полном объеме излагались в учебниках и пособиях. Важную роль играли лабораторные работы, которые были направлены на приобретение практических навыков.

С первого курса главным предметом для нас стали физкультура и спорт. При поступлении я весил всего 58 килограммов, а ко второму курсу набрал 66 килограммов при росте 168 сантиметров. Физкультурой и спортом мы занимались ежедневно утром и вечером. Перед обедом обязательно подходили к перекладине. Нужно было сдавать нормы по трем упражнениям – подъем силой, подъем переворотом, подъем прямых ног к перекладине.

На выходные дни в увольнение в Минск нас отпускали только через перекладину. В школе спортом я не занимался, но сельская жизнь и естественные физические нагрузки позволяли мне, хотя и с трудом, выполнять обязательные нормы по трем упражнениям на перекладине – 15 подъемов. К третьему курсу я стал третьим на курсе по перекладине: делал по трем упражнениям в сумме 112 подъемов. Получил первый спортивный разряд по военному троеборью, третий разряд по лыжам и пулевой стрельбе. Как принято говорить, физически был развит хорошо и полностью готов к тяготам и лишениям армейской службы.

Но все же учеба для меня была главным делом жизни. Очень скоро многие мои однокурсники поняли, что хороший конспект лекций – это важнейший фактор для успешной сдачи любого экзамена. Мои конспекты пошли по рукам, за ними начала выстраиваться очередь. Со второго курса часть ребят из нашей первой группы упростили меня проводить тренажи ответов на билеты предстоящих экзаменов по наиболее сложным предметам. Обычно собиралась группа середняков человек 10—15. Скоро я и сам стал понимать, что такая групповая подготовка мне самому очень полезна.

К третьему курсу я стал одним из лучших слушателей. Учился только на «отлично» без особого напряжения. Никогда не занимался вечерами и ночами непосредственно перед экзаменами. Накануне экзаменов старался хорошо выспаться. Всегда сдавал экзамены и зачеты в первой пятерке. Шпаргалками никогда не пользовался и в написании их не участвовал.

На третьем курсе я, как лучший слушатель курса, получил стипендию им. А. С. Попова, а на четвертом стал Ленинским стипендиатом. В это время создавался музей МВИРТУ. Меня сфотографировали с карабином на первом посту караула у знамени, сделали очень качественно огромную двухметровую фотографию и поместили в музей училища. Неоднократно посещая родное училище, с удивлением замечаю, что моя фотография у знамени остается в музее на прежнем месте, хотя и СССР уже давно развалился, Беларусь стала независимым самостоятельным государством, да и я уже 46 лет живу и работаю в России.

На четвертом и пятом курсах начал активно участвовать в военно-научном обществе на кафедре автоматики. Научная работа в МВИРТУ была поставлена на высочайшем уровне. Научные работы училища в области перспективных радиолокаторов для ЗРВ, антенных систем различного назначения, систем автоматического управления, теории надежности и эксплуатации зенитно-ракетного вооружения получали признание как в МО СССР, так и у широкой научной общественности нашей страны. Первые навыки научной работы приобрел и я, что позволило мне выбрать достойную тему дипломной работы и на «отлично» ее защитить.

Пять лет учебы в МВИРТУ стали хорошим фундаментом для моей дальнейшей и очень успешной почти 40-летней службы в Российской армии и позволили добиться значительных успехов в военной науке. За 5 лет совместной учебы в МВИРТУ ребята нашего курса подружались, и эта дружба живет среди нас до сих пор. Ежегодно мы встречаемся в Москве, а по круглым юбилейным датам – в Минске. Поддерживаем друг друга в трудную минуту, радуемся успехам всех наших сокурсников, а главное – здоровью, оптимизму и молодому задору всех ныне живущих.

Прошло ровно 50 лет со времени принятия воинской присяги и моего поступления в МВИРТУ. Теперь, спустя многие годы, отдельные события воспринимаются по-другому. Появилось много новой ранее недоступной мне информации.



Слушатель 3-го курса А. А. Рахманов у знамени училища на 1-м посту. Фото из музея МВИЗРУ



111-я учебная группа МВИЗРУ, 4-й курс. А. А. Рахманов – 2-й ряд, третий справа. 1970

На наш первый курс приняли, как и было запланировано, 130 абитуриентов. Проходной балл был 12 по трем профилирующим предметам. Как потом оказалось, восемьдесят процентов от всех поступивших были ребята из офицерских семей. Причем из трех основных регионов: тридцать процентов – минчане (включая детей преподавателей училища), тридцать процентов – из Москвы, где находился Главный штаб Войск ПВО страны, и тридцать процентов – из Твери, научной столицы ПВО, где находился головной научно-исследовательский институт НИИ-2 и академия Войск ПВО страны. Только десять процентов от общего числа поступивших приходилось на представителей всех других регионов великого Советского Союза. Курс оказался многонациональным: русские, украинцы, белорусы, евреи, осетины. Со временем я

понял, что попал в один из самых элитных и интеллектуальных военных вузов Советского Союза. Это был базовый, лучший в СССР военный вуз для зенитно-ракетных войск нашей страны. Преподавательский состав был подобран превосходно.



Александр Рахманов на самоподготовке, 4-й курс

Больше половины преподавателей пришли из главной кузницы инженерных кадров Войск ПВО страны – Харьковской военной инженерной радиотехнической академии.

Значительная часть преподавателей по общим предметам – математике, физике, иностранному языку – привлекалась из лучших гражданских вузов столицы Белоруссии города Минска. Лекции по высшей математике нам читали Евгений Иванович Гурский и Вера Васильевна Ершова – ведущие математики Белоруссии.

Надо сказать, что атмосфера учебы, взаимоотношений с начальниками, старшими курсантами, преподавателями была очень доброжелательной. Прививались такие качества, как внимательное и доброжелательное отношение к собеседнику, оппоненту, стремление быть лучше, образованнее. Эрудиция, профессионализм, интеллигентность, трудолюбие, дружба и взаимоподдержка доминировали не только в процессе учебы, но и в казарме, на спортивных мероприятиях и в повседневной жизни.

С четвертого курса мы жили в офицерских общежитиях, находящихся в жилом военном городке на открытой территории. Распорядок дня был довольно свободный. С 8:00 до 14:00 – лекции и занятия, с 14:00 до 15:00 – обед, с 16:00 до 18:00 – самоподготовка, затем свободное время. Питались мы самостоятельно в офицерской столовой, получали на старших курсах стипендию 95 рублей. Женатых ежедневно отпускали к женам в Минск, до которого было всего 9 километров. Я жил в офицерском общежитии в одной комнате с моими близкими друзьями Юрием Комаровым и Валерием Лютецким.



В Крыму на летних каникулах. Слева направо: Юрий Комаров, Михаил Недосеков, Александр Рахманов

Близость к столице Белоруссии городу Минску позволяла нам в полной мере пользоваться благами цивилизации. Как подсчитал В. О. Лютецкий, мы в 1970 году смогли посмотреть в кинотеатрах города Минска семьдесят восемь новых кинофильмов. Библиотеки, эстрадные площадки, лучшие достопримечательности Белорусской столицы и ближайших ее окрестностей нами были изучены досконально. К выпускному вечеру более половины слушателей нашего курса уже были женаты на студентках ведущих вузов Минска – педагогического, радиотехнического, политехнического, института народного хозяйства, Белорусского государственного университета.



111-я учебная группа в родном МВИРТУ через 40 лет



У стен родного МВИРТУ через 40 лет. Слева направо: Ю. П. Комаров, А. А. Рахманов, В. О. Лютецкий



Вручение председателем государственной комиссии лейтенанту А. А. Рахманову диплома об окончании МВИЗРУ и золотой медали

Молодые девушки с удовольствием приезжали к нам в гости на вечерние «огоньки», которые профессионально и с большим изяществом организовывала наша курсовая художественная богема. Все прекрасно осознавали, что другого такого шанса найти достойную спутницу жизни может больше и не быть.

Наш курс за семьдесят лет выпусков из МВИРТУ (МВИЗРУ) был одним из лучших как в учебе, так и в спортивных достижениях.

Более половины выпускников МВИРТУ нашего курса не имели троек в дипломах, двадцать пять процентов получили дипломы с отличием, а четверем выпускникам, включая меня, вручили золотые медали. По итогам службы в войсках наш курс оказался также одним из лучших за всю 70-летнюю историю выпусков – шесть генералов и семь докторов наук.

На курсе была сформирована рота почетного караула Белорусской ССР. Имея прекрасную строевую подготовку, умея виртуозно обращаться с карабинами, рота привлекалась ко многим торжественным мероприятиям в республике, включая важные дипломатические приемы главы Белорусской ССР.

С нетерпением я ждал своего распределения после успешной сдачи выпускных экзаменов и защиты дипломной работы. В отделе кадров мне сказали, что я имею право выбора лучшего распределения. Мне было предложено место инженера-испытателя на полигоне в Капустинском Яру.

Я уже знал, что это главный полигон Войск ПВО страны. Многие наши выпускники там уже служили. Отзывы о службе на полигоне были такие: служба интересная, но трудная. Вряд ли удастся быстро уехать, даже на учебу не отпустят. Способные молодые инженеры-испытатели из МВИРТУ быстро становились востребованными, а затем и незаменимыми. Многие ребята «застревали» там на 10 лет и более.



Выпускная фотография лейтенант-инженера А. А. Рахманова. 1971

Поэтому я сказал, что подумаю и посоветуюсь с близкими. А посоветоваться было с кем. У меня уже была невеста – Нина Потапова, с которой мы договорились пожениться сразу после выпускного вечера. Я ее спросил: «А ты готова бросить все и ехать со мной в казахские степи на полигон? Работать там негде». Она сказала: «Да, согласна ехать с тобой». После этого я дал согласие на предложенное мне распределение. Однако все пошло совсем по другому сценарию. В размеренную и «справедливую» работу выпускной комиссии вмешался мощный административный ресурс родителей многих моих сокурсников.

Ближе к выпуску в МВИРТУ приехали представители головного в Войсках ПВО страны НИИ-2 из города Твери подбирать себе молодые научные кадры. Комиссия из Твери приехала уже со своими кандидатурами. Но золотых медалистов в том списке не было. Тогда руководство МВИРТУ и кадровые органы училища настояли и добавили к отобранным кандидатурам еще трех золотых медалистов: Власова Юрия, Рахманова Александра и Трекина Вячеслава. Об этом решении мне стало известно дней за десять до вручения нам выпускных дипломов. Конечно, это был подарок судьбы, и мы с будущей женой были в восторге от него.

Через много лет мы узнали, что все-таки трое выпускников нашего курса сразу были распределены в столицу, город Москву. У всех троих явно проявился мощный генеральский ресурс их ближайших родственников.

После выпускного вечера у нас был отпуск, и мы все разъехались по домам. Но прежде чем поехать к родителям, мне нужно было заехать в город Слуцк, где жила моя невеста. Хотелось получить согласие ее родителей и договориться о времени предстоящей свадьбы. Знакомиться с родителями невесты мне было не нужно. Они меня знали с детства.

С Ниной мы учились с шестого по восьмой в одном классе. После окончания восьми классов она уехала учиться в Минск в финансово-экономический техникум, а я пошел учиться в девятый класс Тимковичской средней школы. Семь лет мы друг друга не видели, не встре-

чались и случайно пересеклись в Браткове, когда после окончания четвертого курса МВИРТУ я был в отпуске у родителей, а она навещала свою школьную подругу.

Во время моей учебы на пятом курсе мы постоянно переписывались и изредка встречались в Минске. Нина часто приезжала в библиотеку, где подбирала материалы для своих контрольных работ, которые ей задавали в академии народного хозяйства БССР. Приезжая в Минск, она всегда находила время и для встречи со мной. С каждой встречей она становилась мне все ближе и роднее. Я все отчетливее стал понимать, что моей холостяцкой жизни скоро придет конец. Пригласил Нину на выпускной вечер в училище, познакомил со своими ближайшими друзьями: Валерием Олеговичем Лютецким и Юрием Петровичем Комаровым. Выбор моей спутницы жизни ближайшие друзья поддержали единогласно.

Заключение



В кабинете начальника 46-го ЦНИИ МО генерал-майора А. А. Рахманова. Слева полковник С. В. Зверев, справа майор А. Н. Сулейманов



На 55-летнем юбилее А. А. Рахманова. Слева направо: академик А. Г. Шипунов, генерал армии М. А. Гареев, генерал-полковник Н. А. Баранов. 2003



На выставке в Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского. Справа налево: заместитель начальника Главного управления вооружения по научно-исследовательской работе генерал-лейтенант А. А. Рахманов, генерал-полковник А. С. Скворцов, генерал-полковник В. А. Поповкин. Санкт-Петербург, 2005



Научно-техническая конференция в Туле. Обмен мнениями за чаем в перерыве. Справа налево: генерал армии А. М. Московский, генерал-лейтенант А. А. Рахманов, академик А. Г. Шипунов. 2004



С генеральным директором ОАО «ОКБ-Планета» А. В. Петровым

Дополнения

Как говорят, что Новый год это семейный праздник так оно и есть на самом деле. Один раз я праздновал Новый год в обществе Бориса Селиванова. Его мама организовала проведение этого праздника с приглашением молодежи своих знакомых. Празднование прошло хорошо. Правда, оно было немного подпорчено одним обстоятельством. Среди приглашенных был один молодой человек. Всё шло нормально, но вдруг после моего прихода он стал очень задиристо (правда в рамках приличия) относиться к нам (ко мне и Борису). Потом всё выяснилось. Борис, как минчанин, был по гражданке, а я как человек из казармы и находящийся в увольнении, пришел в форме, а упомянутый молодой человек недавно отслужил в армии. Наверное, у него разыграло воспоминание о прошедшей службе, где молодые лейтенанты командовали им. А тут мы – будущие молодые лейтенанты. Это, наверное, и послужило причиной его задиристости.

Но не все праздники проходили в праздничной обстановке, некоторые из них приходилось отмечать и на боевом посту – у тумбочки (в лучшем случае) или в карауле (не говоря уже о «губе»). Один из таких праздников пришлось провести на боевом посту в составе суточного наряда. Анатолий вспоминает о подготовке с Мостивым к празднованию Нового года в наряде и об «уплывшем» в руках помдежа шампанском, а мне вспомнился в связи с этим другой случай. На курсе спиртное, как правило, прятали в сливных бачках туалета: надежно и всегда охлажденное. Как правило сосуд с «горячительной» жидкостью доставали и разливали после того как проверит дежурный по училищу. Но, а тут, в канун Нового года он зашел буквально перед боем курантов: быстро проверил и быстрее на пост, чтобы, наверное, тоже успеть к бою курантов. Он за дверь, дневальный в туалет, в бачок, наряд разливает и распивает тут же на тумбочке (благо есть, где поставить бутерброды), быстро отмечают старый год и вперед за новой для Нового года, а пустую в окно, чтобы не болталась в казарме. А там спешит к себе дежурный. Он по дороге еще заглянул в другую роту, что этажом ниже. И как раз чуть не успел под пустую тару. Но, слава Богу, все обошлось. Однако дежурный не поленился и пожертвовал тостом под куранты и вернулся в казарму с целью найти покушавшихся, как ему показалось, на его жизнь. Но так как он не заметил, из какого окна вылетела совсем с другой целью бутылка, то ему пришлось опять зайти во все роты, а в нашу, как находящуюся на самом верхнем этаже, в последнюю очередь. Это обстоятельство позволили суточному наряду подготовиться к встрече с ним (дневальный заметил свой почти роковой бросок – опять к слову о хорошей метательной школе в училище) и сумел во время прокричать «Дежурный на выход». Дежурный по училищу с мрачным видом обошел казарму и со словами «Кому я перешел дорогу?» поспешно покинул нашу роту. Но к тосту под куранты, я думаю, он не успел, а мы успели.

Некоторые творческие приемы, используемые в истории по переписке.

В одном из своих посланий Ватрик писал:

*Татьяна! Перед рифмою твоей
Позволь смиренно преклонить колени*

*Письмо я получил, и час рыдал над ним
Оно написано как песня нежных нимф:
Прекрасно, мило, нежно, вдохновенно.*

Я тоже пробовал творить,

*Но разве можно удивить того —
Кто может говорить стихом
Написанным от сердца — незабвенно.*

*Несчастный — думал я — на свете
Мой меркнет светлой славы путь,
Может быть я тоже в «лете»
Утону когда-нибудь?*

Чтобы предать письму большую убедительность, его нужно было написать с дрожью в написании букв и строчек. Как понимаете выводить все буквы коряво и вкось утомительно и, скорей всего, неубедительно. Наш авторский коллектив нашел выход: Анатолий старался как можно аккуратней выводить текст, а его соавтор одновременно с участием в формировании душевного ответа методично стучал по столу, что способствовало передачи дрожи в руках и отражало, как нам казалось, душевное состояние писавшего.

Некоторые приемы при сдаче экзаменов (особенно по политическим предметам: истории КПСС, философии, политической экономии и др., которых было в изобилии во время нашей учебы в училище). Как правило, в процессе ответа по билету нам рекомендовали следующую схему ответа: основное содержание рассматриваемого вопроса, его современное состояние и что по этому вопросу говорили классики марксизма-ленинизма. Если по двум составляющим худо-бедно успевали подготовиться, то с мнением классиков было туговато (времени на них, как правило, не хватало). Однако один наш сокурсник: Анатолий Рыжик нашел хороший выход. Он психологически точно рассчитал поведение преподавателей по этим дисциплинам: с одной стороны они действительно хорошо знали труды основных классиков, но с другой стороны не оспаривали высказывания политических деятелей, чьи фамилии были на слуху, но конкретное содержание их высказываний они скорей всего не знали. Анатолий при своем ответе по тому или иному вопросу всегда ссылался (если конечно не знал цитат из основных классиков) на высказывания Долорес Ибаррури. В ответ на его цитирование революционных, философских, экономических и прочих высказываний великой дочери испанского народа, которая может быть и никогда не говорила ничего подобного и впервые они прозвучали из уст Анатолия, преподаватели с умным видом (будто тоже читали эти высказывания) кивали головой и почти никогда не возражали, а потом в других местах говорили о широком политическом кругозоре слушателей.

Стихи моего старшего сына Олега Рахманова



Олег Рахманов

Моим детям

Любимые, как вы прекрасны!
Я, грешный, вами же горжусь —
Труды души моей столь страстной...
На вас совсем я не сержусь.

Не ждал любви, любил без меры.
Простите то, что не сберег.
Возможно, мало было веры
И бес в пучину уволок.

Но из любых своих распятий,
Из бреда множества страстей
Открыт для боли и объятий
Всегда я для моих детей...

Сыну

Снова искры снега выются
И кусают за щеку,
И глаза мои смеются,
Я валяюсь на боку.

Весь в сугробе закопался,
Сын комочком целит в лоб,
Встал, от снега отмахался,
Убегаю топ-топ-топ...

Сын бегом оленем быстрым —
Хлоп – и в голову попал.
Я умылся снегом чистым,
Нарушителя догнал

И схватил его в охапку,
Что есть мочи зарычал.
Сын срывает мою шапку
И чуть дальше закопал.

Как мы ловки и безумны,
Словно снова в детстве я.
Мама доводы разумны,
Дома всыпет нам огня.

Мы намокли и устали,
Еле ноги волочим,
Но рассеялись печали,
Оба счастьем горим...

Жаль, не часто я с тобою
Сам печалюсь и грущу.
Мою радость и любовь
Я в тебя стрелой пущу!

Родителям

Как прекрасны вы были душой,
Как любили друг друга всегда,
Но ушли от трудов на покой,
Словно дети вы стали, да!

Ну а мы узнаем вас в себе,
Принимаем всю боль и мед
И, смирившись в нелегкой борьбе,
Закрываем от пакостей рот.

Любим, терпим, и верим вновь,
И растим в сердце радости свет.
В нас течет ваша соль и кровь,
И почтение хранит нас от бед.

Будьте ж здоровы и долгих вам лет!
Пусть рассеется боль от обид.
Как приятен подчас ваш совет,
Он как солнце в сердце горит.

Как заклятье остро ваше слово,
В нем же боль и принятие без меры.
Как же тяжело без вашего крова,
Когда нам не хватает веры!

Отказ

Отказ от мыслей о себе
Привел меня к одной борьбе.
Отказ от выбора пути
В лес темный смог лишь привести.

Отказ от образа себя
Дает открыть дары любя.
Отказ от выбранной цены
Дает лишь грезы или сны.

Я быть хотел совсем другим,
Но стал беспомощным и злым.
Теперь пришел лишь самосуд,
И в пустоте одной текут

Дни эти, но я все же жив,
Печаль и боль свою прожив,
Теперь естественнее стал,
Когда суду я отказал.

Мне просто стало быть собой,
Но рок не слеп, и путь домой
Ведет меня, я выбрал сам
То, что отдам я небесам.

Моя любовь

Моя любовь парадоксальна,
В ней есть и трепет и полет,
Но иногда в ней меч кристальный,
Который зло вокруг сечет.

Свой нрав имеет, безусловно,
Подчас капризами полна,
Но чуть откликнется любовно,
Всю отдает себя до дна.

Подчас ужасна мысль, сурова,
И нет в ней милости совсем.
Висит на счастье подкова,
И мыслей грозди новых тем

Приходят в тишине невольно
И все сверкают и горят.
Подчас бывает мне так больно,
Что самому себе не рад.

Она творит и беспощадна
К самой себе, и в этом путь.
Когда на сердце мирно, ладно,
В моей любви простая суть.

Ты есть, и это так прекрасно.
Мы создаем наперекор,
И ангелы на небе ясном
Дают крылами вновь отпор

Всем злым наветам и укорам,
Ведь жизнь рождается сейчас.
Давай ответим нашим хором,
Любовь наружу движет нас!

Дочери Софии

Милая, родная девочка моя,
Я тебя люблю, слово не тая.
Все мои надежды нарастают вновь.
Как бы я хотел вновь зажечь любовь.

Очень бы хотелось вырасти с тобой,
С грешной и святою, с юною душой.
Вот уже не вместе, жаль всего опять,
Что от горя мокнет глупая тетрадь.

А стихи все льются, и тебе вослед
Песенки поются, успокоен бред.
Всех страстей душевных нету у меня,
Будней ежедневных вечная возня

Не согреет сердца, жар не утолит,
Жаль, что мое сердце иногда болит.
Не умею точно обуздать свой нрав.
Может, и не надо знать о том, кто прав.

Разве это важно, что иная ты?
Кораблем бумажным плавают мечты...
Где-то в ручеечке новый льет поток,
Каждый забывает, что он юный бог.

Мы забыли радость, чистоту тепла.
Просто измотались, выпили до дна.
Но все эти страсти дали мысли ход.
Вот лихой кораблик стал как ледоход.

Разобьет он глыбы и растопит лед,
Никто не совершенен, многое уйдет,
То, что наносное, что в душе со дна
Поднялось, как буря, и лишило сна.

Но поверь, все это нужно пережить,
Темное, пустое, странное простить.
И тогда без тлена и пустых затей
Вырастет то семя для иных путей.

Будет много счастья, радостных забот.
Нужно лишь не верить в тяжести хлопот,
В благодарном сердце все вместить, как есть.
В этом дорогая, светлая та весть.

**Рыжик Анатолий Игоревич
(вып. МВИЗРУ ПВО 1971 г)**



Рыжик Анатолий Игоревич

Жизнь в зелёном мундире (отрывки из книги)



Всего несколько дней назад в Москве собрались мои однокашники по МВИЗРУ. Прошло почти сорок пять лет со дня нашего поступления и знакомства. Собрались серьёзные люди прошедшие трудную эпоху. Однако передо мной были те же парни что и сорок пять лет назад – умные, энергичные, весёлые. Правда в глазах появилась грустинка, но как иначе когда за плечами жизнь и потери. За прошедшие годы наш курс потерял двадцать два человека....

Мы живём в интересное время полное событий, возрождений, разрушений и попыток выжить.

МВИЗРУ дало нам первый жизненный опыт, и тот, кто смог им воспользоваться – тот наплаву.

Вступление

Выбор моей профессии состоялся давно, и о ней разговоров в семье фактически не велось.

Беседуя со мной, Папа изредка возвращался к вопросам: хорошо ли я подумал, и лучший ли это вариант? Однако «подумать хорошо» в таком возрасте я ещё не мог, да и представление о сложности профессии затмевалось красотой военной формы и блеском погон.

Кроме того, меня поддерживала Мама, она была уверена: «Ты, Толик, будешь красивым офицером!» Две трети одноклассников шли в военные училища, ведь живя в городе морских традиций, мы их в себя впитали. Конечно, почти все мальчишки хотели быть офицерами и непременно морскими.

Когда дело дошло до отправки документов в военно-морское училище, Папа возразил серьёзно. Форму и содержание разговора можно выразить в паре слов: «Твоя жизнь может быть испорчена...» Я благодарен Папе за то, что он сумел удержать меня от морской службы. И не потому, что она тяжела: где я служил – не легче, а потому, что это не моя стихия.

Это сейчас моряки на суше проводят много времени, нет топлива – кризис. В те времена (до конца девяностых годов прошлого века) у моряков были постоянные выходы и патрулирование в морях и океанах, длительные походы и боевые рейды. Жизнь проходила вне дома и вне семьи. Причём такая служба была как на надводном, так и на подводном флотах.

Когда я впоследствии видя судьбу одноклассников – моряков в мыслях возвращался к этому разговору с Папой, то убеждался в правильности своего выбора. В каких бы тяжёлых условиях я ни находился, со мной была моя семья, я жил с ней, а не с морем.

Никакой морской простор, никакая романтика, никакие волны, чайки, походы, штормы, отливы и приливы не стоят улыбок моих дочурок, которых я мог часто видеть, воспитывать, радоваться вместе с ними их успехам.

Я в этом убеждён.

Часть 1

*Я стою в раздумье,
Брошусь в «жизни море»
Что Судьба пошлёт мне:
Радость или горе?
Может, озадачит,
Может, не обидит...
Ведь кузнецик скачет,
А куда?.. Не видит...*

Выбор

● Папа меня убедил: в военно-морское училище мне поступать нежелательно, но и не наступил на «горло» моей мечте – стать офицером. Мы перебрали все Ленинградские высшие военные училища (их было очень много, офицеров готовили на всю армию СССР).

Это мне ничего не дало – все они звучали аббревиатурой громко, интересно и мне мало-понятно.

Какая специальность даётся в училище, кем и где служат после выпуска офицеры, что они делают? – Меня эти вопросы совсем не интересовали.

Это понятно: откуда школьнику знать армейские специальности и особенности службы?

На одном таком семейном совете, когда мы в очередной раз «метались» по списку училищ, Мама вдруг вспомнила: в Москве служит мой родной брат – Павел!

О его службе мы знали только то, что Дядя Павлик (так его звали мы, племянники) имел воинское звание «полковник».

Мама переписывалась с ним, поэтому в очередном письме спросила, в какое училище мне лучше поступать, и сможет ли он чем-нибудь помочь.

Оказалось, что Дядя Павлик служил в Москве не каким-нибудь «Швейком», а занимал пост в Главном Штабе Войск Противовоздушной обороны страны. В штабе пост был тоже «не хилый», а наоборот – очень важный, особенно для решения моего вопроса. Дядя служил начальником отдела военно-учебных заведений в аппарате инспекции Главнокомандующего войсками ПВО страны!

Естественно, выбор вида вооруженных сил был сделан автоматически.

Конкретное учебное заведение тоже предложил Дядя Павлик, остановив наш выбор на Харьковской Артиллерийской Радиотехнической Академии войск ПВО. С профессией теперь тоже было ясно, тем более Дядя Павлик сказал, что военный инженер – самая перспективная профессия в армии. Диплом после окончания вуза даётся общесоюзного образца, с записью гражданской специальности: «инженер по радиоэлектронике».

Проанализировав ситуацию, мы отправили требуемые документы в Харьковскую Академию войск ПВО и стали ждать моего вызова на вступительные экзамены. Однако нас ждало разочарование – пока документы ходили по инстанциям произошли изменения: с 1966 года в академию могли поступать только офицеры.

Полковник Денисов (Дядя Павлик) сообщил нам, что по его команде мои документы переправили в Минское Высшее Инженерное Радиотехническое училище войск ПВО страны.

МВИРТУ (аббревиатура училища) давало ту же специальность и такое же высшее гражданское образование. Разница заключалась только в том, что для получения высшего военномандного образования после МВИРТУ, надо было проучиться ещё два года в Харьковской

Академии, причём в офицерском звании. Это было далёкое будущее, по этой причине оно меня особо не волновало.

● Итак, выбор состоялся. Я покидал родной дом, родителей, друзей, свою комнату, свои привычные вещи. Я покидал Кронштадт.

Впервые предстояла поездка так далеко для решения очень серьезного, определяющего дальнейшую жизнь вопроса.

Когда пришёл вызов из МВИРТУ я был морально готов к поездке в Белоруссию. В военкомате получил проездные документы и предписание: прибыть в город Минск 10 июля 1966 года.

Родители собрали меня в дорогу. Мама волновалась, даже сопровождала меня в Ленинград и посадила на поезд.

Волновался ли я? Наверное, но очевидно даже если и это волнение имело место, то оно было совсем небольшим.

● Седьмого июля 1966 года я с небольшим чемоданом и семидесятью рублями в кармане вышел из дома в самостоятельную жизнь.

Минск

● Приехав в Минск, я сразу же бросился искать училище. Труда это не составило, потому что МВИЗРУ было одним военным училищем на всю Советскую Белоруссию. Все прохожие к кому я обращался, знали о нём и очень доброжелательно советовали, как лучше к нему проехать.

Добираться тоже было несложно: училище находилось в девяти километрах от Минска и до него ходило два рейсовых городских автобуса.

На КПП училища абитуриентов встречали. Провели к развёрнутому в поле палаточному лагерю, определили мне место и ознакомили с распорядком дня.

Предупредили: на довольствие поставили, но питание будет с завтрака завтрашнего дня, а сейчас – свободен до вечера.

Объединившись с тремя такими же только что приехавшими в Минск, я вернулся в город. Мне хотелось побродить по нему посмотреть, что он из себя представляет. Думал, не поступлю, так хоть увижу столицу Белоруссии.

Мы прошли по центру, по проспекту Ленина (сейчас проспекту имени Франциска Скорины (2*4)).

Город с Кронштадтом я не сравнивал, а вот с Ленинградом сравнил. Минск первоначально произвел на меня впечатление менее фундаментального и основательного, но в то же время более просторного в улицах и светлого города. И естественно – Минск оказался значительно меньше чем Питер.

После небольшой «экскурсии», что-то и где-то съев, мы вернулись в лагерь.

Я совсем не мог себе представить, что в следующий раз самостоятельно приеду в город только в конце октября.

В издании «Выпускники Минского Высшего Инженерного зенитно-ракетного училища войск ПВО страны 1971 года». Биографические сведения. Есть такая запись.

«Со всех концов Союза Советских Социалистических Республик 620 гражданских юношей прибыли в период с 8 по 10 июля 1966 года в Минское Высшее Инженерное Радиотехническое училище войск ПВО страны и были размещены в палаточном лагере вблизи старой Смоленской дороги. В лагере к этому времени уже месяц проживали и готовились к экзаменам 90 абитуриентов из числа солдат и сержантов.

11 июля состоялось общее построение гражданской молодёжи и распределение по учебным группам для сдачи вступительных экзаменов».

● В палатке было неуютно. Она продувалась со всех направлений. Поставленная наспех, не для себя, очевидно курсантами, которым она «на фиг» не нужна.

Сколько было в палатке нас – не помню, но меня поразили те, кто со мной находился на постое.

Почти все золотые или серебряные медалисты, призёры математических олимпиад и конкурсов из разных мест Советского Союза!

Были и те, кто приехал поступать второй и даже третий раз, – «опытные».

Вне конкурса поступали выпускники суворовских училищ и солдаты (сержанты) из армии. Размещались они в отдельных палатках и, в отличие от нас держались дружно.

Только одного абитуриента я заметил подобного себе без громких титулов и крепких знаний.

Он после знакомства со мной, как сейчас говорят, «почесал репу» и произнёс: «Хоть бесплатно в Минске побываю, город посмотрю...».

Меня охватила грусть: Мне поступить не светит! Придется возвращаться домой не солоно хлебавши.

● В палаточном городке свирепствовало «ЧЧВ» (Человек человеку волк). О нём предупреждало руководство лагеря и поступающие сержанты, которые были назначены у нас командирами отделений. Выражалось «ЧЧВ» в разных вариантах, но наиболее распространёнными были доносы, воровство документов и неправильные подсказки на экзаменах.

В лагере я впервые познакомился с термином «полосатый рейс», который, как оказалось впоследствии, был типичен для всех учебных лагерей военного ведомства на период поступления.

На вечерней проверке командиры сообщали, кто утром будет совершать «полосатый рейс» – сдавать спальный матрас (они были только полосатые) и ехать домой.

Освещения в палатках не было, только у туалета и у умывальника горела тусклая лампочка. Вечером и ночью все освещённые места были облеплены абитуриентами как осами варенье – готовились к экзаменам.

Я считал, что мне это делать бесполезно – раньше надо было думать. Сейчас думы об этом создавали плохое настроение и я, с таковым уходил спать.

Будь что будет.

● Шли экзамены, народ уезжал толпами, а я ещё держался. Когда вступительный марафон перевалил за середину лагерь начал «таять», часть палаток сняли.

Ближе к окончанию сдачи вступительных экзаменов в палаточный городок, начали приезжать так называемые «купцы» – представители из средних училищ и предлагали тем, кто не набрал нужных баллов идти к ним.

После завершения экзаменов начала свою работу приёмная комиссия. В первую партию принятых попали те, кто без проблем сдал все экзамены, набрав минимум четырнадцать баллов. После затянувшейся паузы в несколько дней была принята ещё партия абитуриентов.

Оставшиеся в лагере замерли в ожидании – быть или не быть. На третье заседание приёмной комиссии пригласили и меня.

Там мне объявили, что я зачислен в МВИРТУ.

Душа пела: я это сделал!

Выписка из издания «Выпускники Минского Высшего Инженерного зенитно-ракетного училища войск ПВО страны 1971 года».

...Для поступления в училище на трех экзаменах (физика, математика письменно, математика устно) необходимо было набрать минимум двенадцать баллов. Экзамен по русскому языку и литературе достаточно было сдать на «удовлетворительно».

22 июля приёмную комиссию прошли абитуриенты, с 15 и 14 баллами; 26 июля с 13; и 27 июля с 12.

30 июля 1966 года на первый курс первого факультета Минского высшего инженерного радиотехнического училища войск ПВО страны приказом начальника училища №431 были зачислены 134 абитуриента...

● Мама сохранила мой экзаменационный лист кандидата поступающего в училище, датированный 15 июля 1966 года.

Экзамены я сдавал по предметам и получил оценки:

16.7.1966 г. – Физика «Отлично»

17.7. Математика письменно «Удовлетворительно»

18.7. Математика устно «Хорошо»

21.7. Русский язык и литература «Отлично».

Я не допускал самообмана и был уверен в том, что мне помог поступить в училище полковник Денисов, мой дядя Павлик. Мягко говоря, конкурс в МВИРТУ был сумасшедший, приблизительно такой бывает при поступлении в театральный институт.

Без сомнения, если бы отсутствовала помощь, то «полосатый рейс» я совершил бы в первые дни.

Почти все золотые и серебряные медалисты, призёры математических олимпиад и конкурсов из разных мест Советского Союза уехали домой, не поступив.

Нескромно и несправедливо, но в данном случае сработало выражение: «Умей родиться!»

И всё же у меня есть алиби. Мне Дядя Павлик оказал доверие, а я его своей дальнейшей тридцати трёх летней службой в рядах Вооружённых Сил СССР, оправдал.

Рядовой Рыжик

● «Слушатель Минского Высшего Инженерного радиотехнического училища войск Противовоздушной Обороны страны, рядовой Рыжик» – вот кем я стал, поступив в МВИРТУ.

Теперь я должен был представляться командирам «рядовой Рыжик», так как нам пришили воинское звание «рядовой» и поставили в штат на должность «слушатель Минского высшего инженерного радиотехнического училища войск ПВО страны».

Сдав гражданские вещи на хранение (в последующем они были бесплатно почтой высланы по нашим домам), мы были отправлены строем на помывку, где нам выдали белье и полевую курсантскую форму. Каждый по своему разумению подгонял свой образ под неё (но не наоборот).

Было заметно, что из бани мы вышли уже другими людьми: внешне похожими друг на друга.

● Поступивших в училище строем привели в казарму, где нам предстояло провести последующие три года.

Казарма оказалась одним большим вытянутым как вагон помещением. Небольшое количество выступающих поперёк (до прохода) перегородок делило её на части. В двух таких частях койки стояли в два яруса.

Свежевыкрашенная, казарма была чиста и просторна. Дышалось в ней легко и свежо.

В тот момент я не мог и подумать, что дышать «легко и свежо» осталось несколько часов, так как с командой «отбой» эта идиллия пропадает напрочь.

Ночью казарма, в которой находятся более ста человек, напоминает вулкан, который вот-вот начнет извержение. Воняет сероводородом, периодически раздаются громopodobные раскаты. Особенно обстановка накаляется, если на ужин был горох, фасоль или перловка.

Если с морозного, свежего воздуха зайти в казарму, то можно потерять сознание, но и к этому мы вскоре привыкли – какое никакое, а тепло.

● Когда поступившим абитуриентам выдали первую **парадную** военную форму – душа заливала.

Подгонку обмундирования делали в швейной мастерской училища (кому требовалось), а погоны и петлички мы пришивали и перешивали (неоднократно) сами.

Затем сержанты, поступившие из войск, учили нас наматывать портянки быстро надевать и заправлять обмундирование.

Специфический запах новой формы пьянит и поднимает настроение. Это минуты торжества и радости: ты достиг своей цели, ты в военном вузе.

Форма красива, сапоги скрипят, а пилотка на голове завершает идиллию.

Кажется, цель достигнута – самое тяжелое позади.

Но как оказалось – это только казалось.

● Училище впечатляло своей мощью, фундаментальностью и порядком.

Красивое центральное здание с просторным холлом, в котором находилось знамя, охраняемое часовым, придавало торжественность обстановке.

Ряд учебных корпусов, казарм, столовых кучно, но удобно расставленных по территории.

Просторные, хорошо технически оборудованные аудитории, с широкими коридорами (некоторые с паркетным полом), лаборатории, вспомогательные помещения – всё это поддерживалось в идеальном порядке.



«Свет науки Войск ПВО» – так называли профессорско-преподавательский состав училища, в котором было много докторов наук и почти все кандидаты наук.

В училище кроме нас – гражданской молодёжи, поступали и учились офицеры.

Они служили в армии после окончания средних военных училищ, которых в стране было очень много и которые давали среднетехническое образование. Немногие из них из-за этого дослуживались до звания «майор».

Закончив МВИРТУ, офицеры получали инженерное образование, и перед ними открывалась карьерная перспектива.

В МВИРТУ проводили обучение иностранных офицеров в основном из стран Варшавского договора и других близких «идеям социализма» стран.

● С 1 августа 1966 года у нас начались занятия – «Курс молодого бойца». Нам сказали, что с этого всегда начинается армия.

Общевойсковые дисциплины: оружие массового поражения, инженерное обеспечение войск, военная топография, уставы, тактика общевойскового боя, связь и, конечно, строевая подготовка – выматывали до изнеможения.

Больше всего мне (я думаю, что не только мне) запомнились полевые занятия по тактике общевойскового боя. Учениями их не назовёшь, но они проводились на местности, в поле, недалеко от училища. Поле прозвали именем преподавателя тактики полковника Кузуба – «Кузубовым полем».

Коренастый, как его фамилия, полковник Кузуб, делал всё, чтобы его занятия выглядели как третья мировая война. Сигнальные ракеты, дымовые шашки, взрывпакеты он разбрасывал не жалея направо и налево. Перед курсантами он ставил задачу – вырыть до начала его «атаки» окоп и надёжно укрыться. При этом нас, мальчишек с помощью всей этой пиротехники заставлял как можно глубже зарываться в землю.

Какие там окопы, когда тебе семнадцать лет и думаешь совсем не о том, что интересно полковнику Кузубу.

Войной не пахнет. Август.

Земля-глина ссохлась, и «скорой бы обед».

Не передовиками (среди которых был и я) рылось неглубоко, так чтобы только «жопу спрятать».

Я уже не помню, как называются части окопа, но, по-моему, рядовой Харкевич насыпал слишком маленький «бруствер» (?). Ростом парень был под два метра и конечно в вырытый окоп влезть целиком не смог. Полковник Кузуб видя это, метнул в него взрывпакет. Так он хотел продемонстрировать не защищённость курсанта от врага. Получилось: Харкевичу выбило взрывом два зуба и рассекло губу.

Полковник перед жертвой извинился, правда, зубы от этого у рядового Харкевича не выросли.

Но зато я с тех пор на занятиях Кузуба....

Нет, не рыл себе окоп «в полный рост», а опускал голову ниже – выставляя наружу задницу. Там нет ни зубов, ни глаз...

● Денежное довольствие за август месяц было выдано 15 числа и составило 3 рубля 80 копеек. В последующие месяцы первого курса мы получали 8 рублей 80 копеек. В город меня не выпускали, а на пирожки в училищном буфете хватало. Кроме того, мне родители ежемесячно почтовыми переводами присылали по десять рублей.

Зачёт по курсу молодого бойца состоялся 26 августа, он начался со стрельбы из личного оружия (7,62мм СКС). Кое-как (но зато с первого раза) я его сдал.

После зачёта последовало начало учебного года, а приведение нас к присяге было осуществлено в первых числах октября.

Присяга

● Первое сентября – первый учебный день для всего училища. Начался он с развода по местам занятий. Первые лекции были прочитаны по физике, математическому анализу и, конечно, по истории КПСС.

Вскоре нам выдали парадную форму.

Зеленый мундир со стоячим воротником, застёгивающимся на два крючка, синие брюки, фуражку, кожаный ремень и хромовые сапоги.

Снова и как всегда мы сами пришили погоны, подложив под них (чтобы не ломались) пластмассовые вставки.

Форму отгладили, подписали хлоркой номер военного билета, повесили на плечики, начистили сапоги и сдали в каптёрку на хранение. А так хотелось надеть её и покрасоваться!

Такая возможность вскоре представилась.

● В воскресенье, 2 октября 1966 года в парадной форме с карабинами, нас построили на строевом плацу училища для принятия присяги.

Народу (постороннего) было немного, так как мы большей частью были иногородними и на торжественное мероприятие приехало мало родственников.

После присяги нам сообщили радостную весть: едете в город на экскурсию, смотреть Дом-музей первого Съезда РСДРП.

Посадили на грузовые машины и повезли в центр Минска!

Ну, думаем, сделаем первый вояж в новой форме по городу, покажем себя.



Вот таким был я в первое увольнение

Грузовики подъехали вплотную к музею, поступила команда: «У машины строиться!» Затем всех закинули в маленький домик (так, что каждый стоял на одной ноге) и долго рассказывали про «Бунд».

Закончили нудное повествование командой: «Выходи строиться!», и сразу: «У машины становись!» и «По машинам!».

Таким образом, себя в форме мы показали только фотографиям бородатых бундовцев.

● Кормили нас плохо – очень мало. Хороша еда, когда её много. Если ты голоден, то что бы ты ни ел – плохо поел. Будешь думать о еде постоянно.

Наш рацион был такой: мясо два раза в день и один раз рыба. Мясо – в основном чистое сало – сплошной жир. Некоторые из благородных эстетов отдавали свою порцию другим.

Я был среди этих других, которые ели всё подряд.

Если и тогда не хватало, то бежали в буфет покупать дополнительную еду.

Мне особенно нравилась белорусская ряженка – такой вкусной я больше нигде и никогда не ел. Плюс пару булок или батон и – сыт.

Когда началось увольнение в город, то в субботу и воскресенье тем, кто оставался в училище, можно было «отвести душу» – наесться «от пуза».

Столы накрывались на всех – так было положено. Каждый, находясь в городском увольнении, мог прийти поесть. Никто, конечно, не приходил, и всё делилось оставшимися в расположении училища слушателями. Однажды я собрал со столов двадцать три порции масла и съел (460 гр). Всё прошло нормально, мог съесть и больше, но мне досталось только двадцать три порции.

● Увольнение в город я не мог получить в течение двух месяцев. Дело в том, что пускали в город «через турник» стоящий в проходе казармы.

Точнее говоря в увольнение выпускали лишь определенный процент слушателей и чтобы попасть в него необходимо было преодолеть различного рода препоны. Создавал их начальник курса, как в интересах повышения воинской дисциплины, так и успеваемости на курсе.

Основным показателем была учеба, далее воинская дисциплина, спортивная подготовка и еще многое другое. Любая слабина в том или ином вопросе наказывалась отсутствием увольнения в город, дополнительными нарядами, строевой подготовкой и спортивными занятиями.

К последним относилась сдача норм ВСК (военно-спортивного комплекса). Сюда входили силовые упражнения: простое подтягивание, «выход силой» и «подъем переворотом», кросс на 3 км летом и бег на лыжах зимой – 10 км (как бы сейчас сказали – свободным стилем, а тогда – кто как умеет).

Для дополнительной тренировки нас, если можно так сказать, выводили (выгоняли) на утреннюю гимнастику. Поначалу мы сознательно ходили (опять же всегда строем), но после первых кроссов превратили это занятие в поиск дополнительного времени и места для досыпания. А в казарме поставили турник, чтобы процесс подготовки к увольнению был непрерывным.

Нормативы по «подтягиванию» и «выходу силой» я выполнял. «Подъем переворотом» – нет, он у меня не получался.

Только в конце октября я смог перекинуть задницу через перекладину и впервые выехать в городское увольнение.

Спорту в училище уделяли серьёзное внимание на протяжении всей учёбы.

Были и свои спортивные звёзды:

Мастер спорта по борьбе – Толя Жуковский.

Бокс – Юра Викторов.

Футбол – Володя Терешко, Женя Чкалов.

Гимнастика – Коля Ларичев.

Прыжки в высоту – Урузмаг Огоев.

Волейбол – Вася Тесленко.

Спортивные разряды имел 21 слушатель нашего курса.

Постоянными были занятия по гимнастике, легкой атлетике, лыжам. Играли в волейбол, баскетбол, ручной мяч, футбол. Бегали очень часто кроссы. Возвращались после них насквозь мокрые от пота и сушили спортивную форму в казарменной сушилке. Как пахла после этого форма – легко представить.

Однажды в воскресенье, после кросса, я поставил свои новые кеды на подоконник – просушиться. Прилег у открытого окна и задремал. Снится мне, что мои кеды шевелятся, а один вдруг начал «взлетать». В невероятном прыжке я успел спрыгнуть с кровати и схватить его.

Оказалось, что это был не сон.

Над нами была казарма старшего курса. Кому-то понравились мои кеды, и, смастерив крючок с верёвкой, он начал их «вылавливать».

Я проснулся вовремя.

Служба

● С октября месяца наш курс начал заступать в караул. Постов было несколько.

Пост №1 – по охране Боевого знамени училища.

Посты №2,3,4 – по охране зенитно-ракетной техники полигона училища.

Посты №5,6 – по охране магазинов и складов.

Первый пост – самый почетный, и, конечно, самый тяжелый. Он доверялся только проверенным – передовикам учёбы.

Службу на нём командиры контролировали постоянно. Иногда это приносило курсантам, несшим службу проблемы – они сазу вылетали из передовиков.

Даже на этом ответственном посту были случаи сна, еды и даже чтения конспектов (Отличники же!).

Мне, как и всем «простым людям» доверили охрану зенитно-ракетной техники.

Посты №2, 3, 4 охранялись с вышки часовым.

● Осень. Холодно. Пронизывающий ветер.

В карауле курсанты рассказывают друг другу всякие жуткие истории, несмотря на которые очень хочется спать.

Разводящий выводит караульных на пост, производит смену часовых, и ты уже на вышке.

Они стоят по углам поста, на большом расстоянии друг от друга. Между забором, за которым стоит охраняемая техника, и двумя рядами колючей проволоки, за которой начинается лес.

Освещение дрянное, плохо видно даже периметр забора и колючую проволоку. Совсем не видно далеко идущую смену. Ветер раскачивает лампы фонарей, бросая черные блики, и, кажется, что кто-то ползет, карабкается, прыгает.

Кажется первых полчаса, потом напряжение ослабевает, ищешь точку опоры на вышке и медленно уговаривая себя, что всё будет хорошо, расслабляешься.

Главное – карабин не выпускать из рук.

Были случаи (правда, на других курсах) когда проверяющие караульную службу приносили карабин часового в качестве трофея в караульное помещение.

А тот спокойно продолжал спать на вышке!

Тогда наступала курсанту «хана» и был только один выход из такой ситуации – вылет из училища.

Поэтому, учитывая горький опыт предшественников, карабин привязывался к руке платком, пристёгивался ремнем к телу – ухищрялся кто как мог.

● О чём думает часовой на посту?

Конечно, в первую очередь о еде.

И во вторую очередь о ней тоже.

Думать о сне, тепле нельзя – сразу заснешь.

С нетерпением ждёшь смены, чтобы попасть в тепло и поспать. Смену слышишь далеко, даже если находишься в полудреме.

Разводящий (если не дурак) принимает все меры, чтобы было слышно перемещение смены. Не приведи Господь, часовой спросонья, или с перепугу пальнёт не разобравшись! Разговаривать смене нельзя, поэтому при приближении к посту она кашляет, чихает, а разводящий громко подаёт порой ненужные команды типа «шире шаг» или «отставить разговоры».

Но, несмотря и на эти ухищрения, некоторые часовые «клали» смену в грязь и лужи.

Так, если я правильно помню, сделал Славка Хмара. Или разводящий не услышал его окрик: «Стой! Кто идёт?», или Хмара сделал окрик тихо (а может, и вовсе забыл крикнуть),

но следующая его команда «Стой! Стрелять буду!», а затем неожиданная «Ложись!» заставила всю смену плюхнуться в грязь.

Далее, как и положено, Хмара дал сигнал в караульное помещение – «нападение на пост». Не буду рассказывать, что тут началось и чем это закончилось – и так понятно.

Первый и второй курс я ходил в караул один или два раза в месяц, а на третьем курсе всего раза два за год.

Несколько раз я ходил караульным на посты №5 и №6 – по охране магазинов и складов. Эти посты вызывали наилучшие впечатления.

Во-первых, они расположены на территории жилого городка.

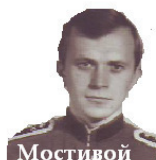
Во-вторых, ты караульный, а не часовой – патронов у тебя нет и можно перемещаться по объекту.

В-третьих, пост только ночной, двухсменный.

В-четвертых, он охватывает большую территорию, и проверять, как несёт службу на нем караульный, очень сложно.

Но самое главное в-пятых!

Валера Мостивой¹, с которым мы дружили все пять лет учёбы, подобрал ключ к сапожной мастерской, которая находилась на территории поста!



О ключе знали только мы вдвоём, и когда нас выставляли на пост, то мы сразу двигались к сапожной мастерской. Открыв её входили в тепло и сразу «плюхались» на груды ремонтируемой обуви спать!

Правда, один раз я «влип». Заснул и проспал смену (если бы тогда были сотовые телефоны!). Услышал крики ищущей меня смены рядом с мастерской. Они искали меня, как ищут в лесу криками заблудившегося! Прошло двадцать лишних минут с тех пор, когда я должен был выйти на исходный рубеж.

У меня хватило ума спросонья не выскочить прямо на разводящего, а подождать когда крики удалятся.

Затем, выпрыгнув из мастерской и обогнув смену, выйти им навстречу. Я знал, что любые мои объяснения будут восприняты, как и положено, лживыми. Но, тем не менее, что-то говорил и оправдывался.

Разводящий меня прервал: «Все расскажешь начальнику караула, а пока вытри физиономию – она почему-то вся гуталином перемазана».

● Любимый мой наряд – на кухню. Один из них запомнился надолго. Даже фотографии участников тех событий у меня в альбоме.

Иметь фотоаппараты и фотографировать в училище было нельзя, но благодаря Мостивому, который ухитрился его прятать и фотографировать нам есть что вспомнить.

Так вот, есть фотографии и такого случая, когда мы заступили в «злополучный» наряд на кухню.

¹ (** 1 – см. Приложение «Судьбы однокурсников»)

Основная задача, занимавшая уйму времени наряда, – вырезание так называемых «глазков» у картошки. Чистила её спецмашина, но она оставляла чёрные «глазки». Эти черные точки должны были удалять пять человек, назначенные в наряд, а картошка-то чистилась на всё училище!



Операция по вырезке картофельных глазков



Картофелечистка

Чтобы всё «выколупать», необходимо было работать как неграм на плантациях. Мы учились на инженеров и заметили: чем больше времени картошка вращается в машине, тем меньше размер точек. Правда, и сама картошка становится меньше в размерах, но это уже второй вопрос, и он пока нас не интересовал.

Мы освоили новую технологию пропускания картошки через картофелечистку, благодаря которой у нас осталась уйма свободного времени. Получившемуся в результате такой обработки картофелю мы дали ласковое название «морская галька». Когда пришел за почищенным овощем дежурный повар, собираясь закладывать его в котлы, ему стало плохо: ёмкость была заполнена наполовину! Обвинив нас в уничтожении воинского имущества, он побежал за дежурным по столовой.

На то, чтобы достойно выйти из сложившейся ситуации, было несколько минут, и мы нашли выход. Когда в овощной цех влетели дежурный по столовой и повар, бак был почти полон.

«Ух ты и напугал...» произнёс дежурный повару, – «конечно, маловато, накажем за это балбесов» он ткнул пальцем в нашу сторону: «но это не крах!». Повар недоуменно чесал затылок:

– «Дык было в два раза меньше...».

Дежурный его пресёк:

– «Смотреть за нарядом надо лучше, а не паниковать. Вот сказал: было в два раза меньше... Что же они её вырастили пока ты бегал?».

И скомандовав нам: «Загружай картошку в котлы», они удалились. Когда они ушли, мы вытащили из-под картофеля подменное обмундирование, тряпки, какие-то ящики, вообще всё что нам попало под руки и удалось «подпихнуть» под картофель.

Затем большими кастрюлями начали перетаскивать картошку в варочный цех и засыпать её в котлы.

Крах всё же произошёл, потому что на тарелках слушателей пришедших на ужин, почти ничего не лежало.

Взвешивание порций показало меньше половины нормы. Я, как и все остальные бывшие со мной в наряде, получил своё первое за службу наказание – пять (максимальный предел) нарядов вне очереди на кухню. Дежурный по столовой (из офицеров-слушателей) чуть было не «вылетел» из училища, но отделался строгим выговором. Повара (из сверхсрочников) – наказали тремя сутками ареста, но он их на гауптвахте не отсидел. Самым неприятным для нас было то, что когда мы отработывали наши наряды вне очереди, эти двое опять дежурили с нами. Дежурили так, что эти пять нарядов на кухню нам мёдом уже не казались.

С кухней вообще у меня много связано, причём на протяжении всей службы, но уроки «очковтирательства» я получил именно на первом курсе. Получил когда ожидался приезд Маршала СССР Баграмяна. в наше училище.

Весь личный состав был брошен на подготовку к встрече. Нашей группе выпала «честь» возить и укладывать дёрн вокруг столовой. Работы затянулись надолго после отбоя. Но самую «интересную и важную» работу выполнял сверхсрочник штата столовой. Он закрашивал стыки полос дерна, который мы укладывали, зелёной краской!

Учеба

● Учеба проходила у меня туго. Причин было несколько. О некоторых уже было сказано – они послужили предпосылками проблем. Были и новые, основными из которых являлись две.

Первая заключалась в том, что я окончил школу десятилетку. Это был первый выпуск после одиннадцатилетнего среднего образования.

В 1966 году в школах СССР произошёл двойной выпуск: десяти и одиннадцатилеток. Программы в школах были разные (естественно, что за одиннадцать лет обучения она была полнее) и я оказался в сложной ситуации.

На первых же занятиях в училище по матанализу я никак не мог понять, что за «фиговины» рисует на доске преподаватель.

Спросил на перерыве у сокурсников, они объяснили – интегралы. Лекции в училище велись на основе одиннадцатилетнего образования, а я в школе этого не проходил. Пришлось догонять, изучая интегральное исчисление самостоятельно по ночам. Такая же картина была у меня и по физике. Очень часто приходилось спрашивать о многих непонятных мне моментах у сокурсников.

Ребята в помощи не отказывали, но даже им порой было очень сложно усваивать изучаемый материал.

Вторая возникшая проблема в моём обучении состояла в том, что я не был готов безоговорочно подчиняться командирам. Они это чувствовали, и это сказывалось на учёбе. Я находился в основной – «серой» массе нашего курса, и не попал ни на какие руководящие и выборные (конечно, начальством) должности.

● Секретарём комсомольской организации курса был выбран слушатель Олег Панкратов. (**2, Судьбы однокурсников)

Знали мы друг друга ещё очень мало, но то, что Олег окончил Минское Суворовское училище с золотой медалью, вызывало у всех курсантов уважение.

Однажды после нескольких месяцев учёбы было объявлено экстренное комсомольское собрание. Шептались начальствующие и их доверенные лица: «На курсе Ч П!»

Президиум собрания занял свои места, и секретарь комсомольской организации курса Панкратов начал делать громким голосом сообщение:

«Товарищи комсомольцы! Наш курс опозорен! Надо же курсанту напиться так, чтобы попасть в комендатуру! Мягко говоря, так поступают свиньи, а не члены комсомольской организации МВИРТУ!»

Из зала начали раздаваться возгласы нетерпеливых: «Кто это? Кто это так влип?»

«Спокойно товарищи... всё скажу», – продолжал Панкратов.

– «На нашей комсомольской организации теперь лежит пятно. Подумайте, какие нам всем надо приложить усилия чтобы смыть его!»

Зал уже вопрошал хором полушопота:

«Кто? Кто это?»

Секретарь комсомольской организации невозмутимо и гневно продолжал:

«Неприятно осознавать, что среди членов ВЛКСМ нашей организации оказалась я не побоюсь этого слова – свинья!»

Неожиданно голос Олега начал стихать:

«Однако я думаю, что её надо понять и быть снисходительней... с каждым из нас это может произойти. И на старуху бывает проруха!»

Зал в сотню курсантов слился в рокоте:

«В конце концов, ты скажешь кто же это???»

Панкратов склонил голову и уже совсем тихим голосом произнёс:
– «Это ...я... товарищи...»



● 11 декабря мне исполнилось 18 лет.

В честь юбилея дали увольнение и мы с Валерой Мостивым выехали в город с намерением как-то отметить день рождения. Это было всего-навсего моё второе увольнение и Минска мы не знали.

Зима, холодно, мы запуганы командирами, у нас мало денег.... Куда нам деться?

Только в кино, но хочется отметить мой день рождения. Только осталось решить как и где это сделать? Мы решили: купим бутылку вина, а разопьём её где-нибудь в кинотеатре. Вино купили в массивной бутылке как у шампанского, называли такое в народе «бомбой». Очевидно, по причине одинакового воздействия, что от его питья, что от удара бутылкой по голове.

Туалет и буфет, на которые мы рассчитывали (в данном случае им было отведено одинаковое назначение) оказались закрытыми.

Непруха! Остановиться бы но...

Приняли решение – выпьем в кинозале, через трубочку, свёрнутую из газеты.

Началось кино. Мы наблюдали за происходящим на экране, посасывая вино через газету.

Сначала все шло нормально, затем появились трудности: начал размокать газетный трубопровод. Затем произошло непредвиденное – в момент передачи бутылки, она выскочила из наших рук. Громкий удар и вино стало с громким бульканьем вырываться из бутылки на пол. Ошибка была в моих следующих действиях – я поднял её с пола на фон экрана посмотреть, сколько осталось.

Наше «торжество» закончилось. Кто-то в зале смеялся, кто-то сочувствовал и предлагал солдатам закуску. Самое интересное, что злобных людей не было. Нас не пытались оскорбить или вывести из зала.

Конечно, можно сказать, что был неинтересный фильм, но мы усмотрели другую причину. Так могло быть только в Белоруссии, народ которой как никакой другой любил, уважал и ценил свою армию.

Конечно, не за такие дела, о которых я рассказывал.

За другие. А в этом случае нас поняли и простили.

Кстати: любовь к армии мы ощущали на себе все пять лет учёбы в Минске.

Но в тот момент мы с Валерой ничего такого не знали и поэтому ретировались из кинозала «мелкой рысью». Не зря в песне поётся:

«В жизни раз бывает восемнадцать лет...».

Вот так тоже бывает!

● Первая экзаменационная сессия включала в себя четыре экзамена: аналитическую геометрию, математический анализ, физику и историю КПСС. Проходила она с 4 по 24 января 1967 года.

Как гром среди ясного неба 10 января после отбоя грянула внезапная проверка численности личного состава курса. Проводил её начальник курса майор Мачула. Шли экзамены первой сессии, все занимались день и ночь, поэтому такого внезапного контроля не ожидали.

Как всегда в 22.40 прошла вечерняя поверка, на которой все присутствовали. По команде «отбой» все должны были лечь в постель. Через пятнадцать минут разрешалось встать и в кальсонах идти в армейское «святилище» партии – ленинскую комнату – заниматься.

Слушатели курса после проверки распределялись приблизительно пополам: кто в кроватях, а кто в ленинской комнате. Так было постоянно и не только во время сессии. Причем порой это выглядело очень странно: пока отличники совершенствовали свои знания даже ночью, плохо успевающие спокойно спали.

● Казалось, в такой обстановке трудно разобраться кто где находится вот и нашлись смельчаки прошедшие мимо ленкомнаты – «на волю».

Несомненно, кто-то кого-то заложил.

Это послужило тому, что через час после отбоя, внезапно появившийся начальник курса майор Мачула осуществил повторную поверку.

Двое слушателей курса оказались в самовольной отлучке и Мачула задал строю вопрос: «Где они?»

Конечно, никто и ничего не сказал. Мачула скомандовал старшине принести стул и сев перед строем заявил: «Будем ждать»

Очевидно, этой фразой он рассчитывал решить вопрос двумя путями: или самовольщики вернутся, или найдётся сексот (секретный сотрудник), который «заложит» где они.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.